

Башня Опирающегося Аромата, Янчжоу

Смеркалось. У входа в Башню Опирающегося Аромата уже зажглись разноцветные бумажные фонари. Молодые господа потянулись сюда толпой, словно выверяя время по часам. Юноши в расшитых шелках и с дорогими яшмовыми поясами прибывали один за другим, весело перекликаясь.

Стоило переступить порог заведения, как в нос ударил густой, дурманящий аромат пудры, румян и благовоний.

Хозяйке заведения, почтенной матушке Юй-нянь, едва исполнилось тридцать пять. Время пощадило её: увядающая красота сохранила зрелое очарование, а сама она по-прежнему извлекала из лютни-пины божественные звуки. Неудивительно, что даже в эти годы у неё хватало преданных покровителей.

Сейчас она заправляла всеми делами в Башне. Зная заранее о визите второго господина Юнь Вэня, Юй-нянь поспешила навстречу, игриво покачивая шелковым платком:

— Ох, молодые господа! Уж как велика слава нашей Цюньюй! Стоило ей объявить, что сегодня она порадует гостей своим искусством, как вы тут же слетелись на огонёк!

Шэнь Шуюй, второй сын главы янчжоуской соляной гильдии Шэнь Хая, небрежным жестом бросил ей серебряный слиток в форме боба:

— Лучшие места для нас готовы?

Ловко поймав серебро, Юй-нянь расплылась в улыбке:

— Само собой, драгоценные мои, всё устроено в лучшем виде!

С этими словами она увлекла молодых людей по боковой лестнице на второй ярус, где усадила в ложу, расположенную чуть сбоку от центра.

Шэнь Шуюй недовольно насупился и покосился на центральную ложу:

— А там кто расположится? Кто посмел занять лучшее место?

Хозяйка на миг замешкалась. Шэнь Шуюй прищурился:

— Четвёртый господин Ван Вэньсюань? Или третий сын губернатора Ди?

В огромном и шумном Янчжоу лишь немногие могли заставить его умерить спесь. Среди них были Ван Вэньсюань — четвёртый сын великого главнокомандующего Ван Хунмина, да Ди Дунчан — третий отпрыск губернатора Ди Чуня.

Юй-нянь воровато огляделась и, понизив голос до заговорщицкого шепота, придвинулась ближе:

— Неужто вы ещё не слыхали? Нынче в Янчжоу прибыл великий человек — сам принц! Губернатор Ди лично устраивает в его честь приём и выкупил эту ложу загодя.

Услышав это, молодые повесы мигом оживились и подались вперёд:

— Принц? Какой ещё принц?

— Четвёртый сын Его Величества, принц Чу, — выдохнула Юй-нянь.

Шэнь Шуюй тут же потерял всякий интерес. Он разочарованно откинулся на мягкие подушки кушетки и лениво протянул:

— А, этот... Ну, если наша красавица Цюньюй по праву считается первой девой Поднебесной, то принц Чу, пожалуй, признанный уродец во всём государстве Чжао.

Юй-нянь испуганно взмахнула платком, едва не коснувшись его губ:

— Ах, потише, молодой господин! Язык ваш — враг ваш. Если эти слова дойдут до чьих-то ушей, мне головы не сносить!

Сидевший рядом Юнь Вэнь ухватил хозяйку за шелковый рукав и шумно втянул носом воздух:

— Юй-нянь, никак сменила притирания? Что за чудный аромат?

Юй-нянь шутливо ткнула его пальцем с ярко-красным ногтем в лоб и притворно рассердилась:

— Ишь, вынюхал, шельма! Ну и нюх у тебя — точно у гончего пса.

Тем временем служанки беззвучно внесли чай и закуски. Хозяйка улыбнулась, указывая на изящный кувшин:

— А это, господа мои, особое угощение — сливовое вино, которое наша Цюньюй собственноручно приготовила в прошлом году. Его откупили только перед самым праздником. Внизу за один кубок дают не меньше золотого! Я едва упростила пощадить запасы,

и только ради молодого господина Шэня она уступила этот кувшин. Отведайте, а я вас покину — дела зовут.

Она сделала знак рукой. Красавицы-служанки задернули тяжелые парчовые занавеси, отделяющие ложу от общего зала, и принялись ухаживать за гостями, разливая хмельное.

Отойдя в тень коридора, Юй-нянь поманила к себе верного слугу А-Шаня:

— Бросай все дела и не спускай глаз с той ложи. Если молодой человек в синем шелковом халате соберётся уходить — немедленно доложи мне.

А-Шань, немой от рождения, молча поклонился и утвердительно кивнул. Юй-нянь, успокоившись, спустилась по лестнице и направилась в тихий задний двор.

Будучи первой красавицей и любимицей заведения, Цюньюй занимала отдельный уединенный флигель. Расшитые туфельки Юй-нянь тихо шуршали по вымощенной камнем дорожке. Вокруг цвела дикая слива, её алые бутоны горели на ветках ярким пламенем среди зимней прохлады.

Небольшая калитка отделяла этот безмятежный сад от шумных залов. Стоило закрыть её, как весёлый гомон, пьяный смех и музыка тонули в тишине.

Юй-нянь толкнула дверь флигеля. Подвешенные к притолоке нефритовые колокольчики тихо и чисто зазвенели.

Перед резным туалетным столиком сидела девушка пленительной красоты. Она изящно подвела тонкие брови, а в её миндалевидных глазах светилась нежность, а на пухлые губы она как раз наносила алую помаду. Заметив вошедшую, она обернулась, но тут же вновь устремила взгляд в тусклое лоно бронзового зеркала:

— Юнь Вэнь явился?

— Раз уж ты обещала выйти к гостям, разве этот похотливый негодяй упустит случай поглазеть на тебя? — вздохнула Юй-нянь, проходя в комнату.

Цюньюй отложила баночку с помадой и грустно улыбнулась:

— Если вы зовёте его негодяем, то кто же тогда я?

Юй-нянь присела рядом и без обиняков ответила:

— Сама знаешь, кто ты. Но этого проходимца я терпеть не могу. Пусть я и улыбаюсь ему при встрече — служба такая, деваться некуда, — а сама еле сдерживаюсь, чтобы не дать ему хорошего пинка! Вечно пользуется грязными уловками. Бедняжка Сяо Тао поверила его сладким речам, приняла его зелье и теперь лежит пластом, подняться не может. Кажется, нутро себе совсем сгубила, вряд ли теперь поправится.

Цюньйюй тихо вздохнула:

— В нашей доле загадывать о будущем — пустое дело. Кто знает, что с нами станет завтра.

— Ладно тебе горевать, пора бы привыкнуть, — Юй-нянь мягко похлопала её по плечу, а затем извлекла из широкого рукава круглую вещь размером с ячменную лепешку.

Это было зеркало с удобной рукоятью. Обратную сторону украшала тончайшая резьба по сандаловому дереву — лотосы и резвящиеся карпы, а с лицевой стороны сияла гладкая серебряная поверхность. Настоящее ртутное стекло, отражающее мир без малейшего искажения.

Юй-нянь протянула его девушке:

— Гляди-ка лучше, что тебе прислал господин Цзин.

Цзин Юньшу долго бился над рецептом изготовления таких зеркал. И хотя нынешнее изделие ещё имело мелкие изъяны, оно превосходило старые бронзовые зеркала стократ.

Цюньйюй вскрикнула от увиденного и бережно приняла подарок.

— Ой! Что это за чудо? Как же всё отчётливо видно! — Она крутила зеркало в руках, вглядываясь в своё отражение. — Неужели это действительно я?

Юй-нянь, которая и сама толком не успела рассмотреть диковинку, придвинулась ближе, заглядывая через плечо:

— Надо же, и впрямь обеих видно, до единого волоска! Господин Цзин так и назвал — зеркало.

Девушка ласково погладила прохладную гладь стекла:

— Какое красивое... — Но вдруг она едва заметно нахмурилась и ревниво прищурилась: — А оно только для меня? Или у Юньсю в столице и у Луны-Лисицы в Лояне тоже такие есть?

Юй-нянь покачала головой, посмеиваясь над её девичьим нравом:

— Спросила я, спросила, егоза ты эдакая! Сказали, что это самое первое зеркало, которое удалось отлить. И господин сразу же велел отправить его в Янчжоу, тебе.

Лишь тогда Цюньюй расцвела в счастливой улыбке, прищурив глаза в полумесяцы.

— Господин называет нас своими верными помощницами, но мне бы куда милее было прислуживать ему простой служанкой.

Юй-нянь не удержалась от двусмысленной шутки:

— Ты-то, может, и хочешь, да только господин Цзин принять вас побоится. Если вы все трое соберётесь подле него, разве выдержит его хрупкое здоровье такой натиск?

Цюньюй звонко рассмеялась, залившись румянцем:

— Полно вам! Куда мне до господина... Вот состарюсь, тогда, быть может, он позволит мне присматривать за хозяйством в его усадьбе. — Она на секунду умолкла, устремив взгляд в окно. — А господин не передавал, когда навестит меня?

— Не говорил, — покачала головой Юй-нянь. — Но через пару дней он непременно посетит Сад Су. Вот там с ним и увидишься.

Поместье Юнь, Двор Чистого Бамбука

Проснувшись после полуденного сна, Цзин Юньшу полулежал на кушетке, лениво держа в руках раскрытую книгу. Впрочем, мысли его были заняты совсем другим: перед глазами висела призрачная панель системы, на которой отражались финансовые отчеты его янчжоуских лавок за ушедший год. Эта способность не раз выручала его. Она не просто сводила дебет с кредитом, но позволяла поминутно отследить движения средств в любой выбранный день. Система беспристрастно фиксировала каждую мелочь: сколько утаил нечистый на руку приказчик, сколько вытащил из кассы управляющий.

Сам Юньшу никогда не обучался тонкостям купеческого дела, а хитрые счетоводы древности умели путать следы не хуже современных бухгалтеров. Без подсказок системы он вряд ли сумел бы распутать эти кружева цифр. Теперь же, вернувшись в Янчжоу, он был во всеоружии перед неизбежной встречей с управляющими.

Заметив вошедшего Чжун И, он негромко спросил:

— Люди на местах? Юнь Вэнь всё ещё развлекается в Башне Опирающегося Аромата?

— Да, — кивнул Чжун И. — А когда я возвращался, то у ворот приметил экипаж хозяина дома.

— Вернулся со службы, — задумчиво произнес Цзин Юньшу. — Что ж, скоро он позовёт меня к себе. — Он взмахнул рукой, гася призрачный экран, отложил книгу и поднялся с постели: — Пора переодеться.

Чжун И бережно поддержал его под локоть и усмехнулся:

— Господин, вы ведь держали книгу вверх ногами. И что же вы там вычитали за эти часы?

Юньшу растерянно моргнул, опустил взгляд на свиток и тихо рассмеялся. Действительно, держал задом наперёд.

Он обернулся к служанке Чжили, которая изо всех сил старалась сдержать смех, прикрывая рот ладошкой:

— И ты молчала? Спокойно смотрела, как твой господин битых два часа читает книгу вверх тормашками?

Чжили, помогая ему натянуть просторный халат, с улыбкой ответила:

— Вы так сосредоточенно вглядывались в строки, господин, что я не посмела вас тревожить. Кто знает, быть может, вы решили заучить мудрость предков задом наперёд, чтобы удивить всех?

Чжихуа, державшая верхнее платье, тоже прыснула от смеха. Юньшу покачал головой:

— Совсем от рук отбились, негодницы.

Едва он успел завязать кушак, как в двери постучал слуга: хозяин дома, Юнь Буши, просил молодого господина явиться в главный зал.

— Передай распорядителю Чэнь Ляну, пусть идёт во Двор Длинного Кедра, — распорядился Цзин Юньшу. Затем повернулся к Чжун И: — Если не найдёшь то, что нужно, не задерживайся. Дело терпит, главное — не привлекать лишнего внимания.

Чжун И молча поклонился и исчез за дверью. Юньшу в сопровождении Чжили направился в главный зал.

Юнь Буши никогда особо не жаловал этого сына. Поскольку Юньшу почти всю жизнь провёл вдали от дома, скудные крохи отцовской любви давно испарились. И всё же, поскольку тот возвращался в родные края лишь раз в год, приличия требовали устроить официальный приём и расспросить о делах.

Войдя в залу, Цзин Юньшу почтительно склонился в глубоком поклоне:

— Приветствую вас, отец. Желаю вам доброго здоровья.

Юнь Буши, восседавший во главе стола, смерил взглядом своего болезненного отпрыска.

— Здравствуй. Присаживайся.

Юньшу скромно опустился на предложенный табурет. Юнь Буши смотрел на сына, и в душе его шевельнулось странное чувство отчуждения. Юноша казался высеченным из чистейшего нефрита — бледный, утончённый, нездешний.

— Как твоё здоровье? — спросил отец.

— Благодарю за заботу, отец. Хотя мне по-прежнему приходится ежедневно принимать снадобья, в последнее время я чувствую себя гораздо крепче, — вежливо ответил Юньшу.

Юнь Буши молча кивнул.

— К слову, матушка Ань частенько упоминала в своих письмах, что вы питаете слабость к хорошему чаю. Помня об этом, я разыскал редкий, изысканный прибор для чаепития и хотел бы преподнести его вам, — Юньшу обернулся к дверям: — Чжили?

Служанка тут же внесла обтянутый шёлком ларец. Юньшу принял его, бережно водрузил на столик перед отцом и приоткрыл крышку:

— Взгляните, отец. Мой вкус прост, но я искренне надеюсь, что этот подарок придётся вам по душе.

Юнь Буши подался вперёд. В мягком сиянии свечей фарфор испускал благородный, матовый блеск, неотличимый от сияния горного нефрита. Глаза чиновника загорелись азартом ценителя. Он осторожно взял одну пиалу, повертел её в руках и восхищённо пробормотал:

— Изумительно. Поистине прекрасная работа.

Пусть Янчжоу и утопал в роскоши, сам Юнь Буши занимал скромную, малоодоходную

должность в ведомстве. Такие редкие и дорогие вещицы нечасто попадали к нему в руки, так что теперь он не мог оторвать взгляда от подарка.

— Рад, что угодил вам, — мягко улыбнулся Юньшу. — По правде говоря, мне удалось раздобыть ещё один предмет утвари, куда более тонкой работы, но... Ах, ладно, не стоит об этом, — он осёкся и тихо, сокрушённо вздохнул.

Юнь Буши нахмурился, отрываясь от созерцания пиалы:

— Говори толком. Что ещё за утварь?

— Моя непростительная оплошность, отец. По дороге я случайно разбил его. А ведь мог бы преподнести вам парный дар, как велит обычай.

Услышав это, Юнь Буши, хоть и не видел разбитой вещи, почувствовал, как сердце обливается кровью от досады:

— Какая непростительная небрежность! Столько лет прожил, а ума не нажил — вечно у тебя всё из рук валится!

Юньшу поспешно склонил голову в виноватом жесте:

— Прошу простить мою неловкость, отец.

Стоявшая чуть поодаль Чжили не выдержала и с притворным сочувствием вмешалась:

— Господин, отчего же вы умалчиваете о настоящей причине? Зачем берёте вину на себя перед хозяином?

<http://bllate.org/book/18296/1761981>